

Лидия Чарская

Кис-кис

Лидия Алексеевна Чарская

Кис-кис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636905

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Кис-Кис ему очень нравилась. В ней было что-то донельзя раздражающее и задорное, что не могло наскучить ему, несмотря на долгие месяцы их связи. И потом, она была красива, способна и ловка. Эти три вещи были, по его мнению, необходимыми для актрисы...

Содержание

I	4
II	10
III	13
IV	16
V	20
VI	24
VII	31

Лидия Алексеевна Чарская

Кис-кис

I

– Через 5 минут начало... Божественная, готовы?

– Ладно, проваливайте.

– Серьезно – начало.

– Ну, так и начинайте...

– Так вы же во 2-м явлении.

– Ну, во втором...

– Так, как же?

– А пойдите вы к черту! Даша, щипцы!

И выхватив из рук расторопной горничной накаленные щипцы, хорошенькая «премьерша» провинциальной драматической труппы принялась немилосердно палить густую белокурую челку.

Елена Александровна, можно? – раздалось за дверью.

– Вы, Томилин? – встрепенулась она.

– Я.

– И я, Кузьмин, – прибавил другой голос.

– Ну, тогда нельзя!

– Да почему же, божественная?

– Надоели.

– А Томилину можно? – ехидничал тот же голос за дверью.

– Как всегда.

– Вот погодите-ка, я Максиньке насплетничаю.

– Можете! Даша, карандаш! Да где же карандаш, черт возьми!

Даша засуетилась, ища карандаш, а хорошенькая «премьерша», полуодетая, в нарядной нижней юбочке и батистовой распашонке для грима, проводила по губам едкой палочкой кровавого кармина.

В уборной, как и во всех уборных провинциальных театров, пахло духами, клеем и папиросами. Дешевенький ковер, превратившийся, за давностью времени, из голубого в зеленый, покрывал пол. В углу приютился туалет, обитый кисеёй, с разбросанными по ней голубыми бантами. На туалете стояло овальное «собственное» зеркало, отражавшее хорошенькое и подвижное лицо хозяйки с лукаво-взыскивающими глазами.

Елена Александровна Танина, или просто «Кис-кис», как ее называли все окружающее за ее «кошачий» характер, отлично сознавала неотразимую силу этих глаз и безбожно пользовалась ими. Но сегодня ей было не до того. Сегодня чудесные глаза не играли...

Она злилась...

– Киска, можно? – послышался за дверью знакомый голос.

– Это ты? Входи, входи, голубчик, – говорила она, и в то-

же время подправляла левую бровь, подчеркнутая несколько больше правой.

– Кис-кис, ты еще не готова!

И молодой, очень красивый, благодаря эффектному грифу и блестящим глазам актера, с развязностью близкого вошел в уборную.

– Максинька, милый!

Ловким, кошачьим движением она закинула ему руку на шею и, не стесняясь присутствия горничной, прильнула к нему, глядя на него снизу вверх своими искусно подведенными глазами.

Стоя она была еще эффектнее. Маленькая, хрупкая и изящная, как дорогая статуэтка, она походила больше на ребенка, нежели на 30-ти летнюю женщину, имевшую десятилетнего сына, где-то далеко на руках родственников. Впрочем, она не скрывала ни ребенка, ни возраста – напротив бравировала ими, сознавая свою силу и молодость.

– О, какая же ты прелесть сегодня! – вырвалось у актера.

– Прелесть? Правда прелесть? – обрадовалась она, как девочка, и покосилась на зеркало. – Лучше дебютантки?

– Ну, та в другом роде.

– Макс, берегись, я ей глаза выцарапаю!

– Штраф заплатишь, без Занды спектакль не состоится.

– И без Пии тоже. А я истерику закачу сию минуту. – и ее голосок задрожал новыми для него нотками.

– Ну полно, Кис-Кис. Ты у меня несменная.

– Господа, на сцену! Максим Григорьевич, божественная, готовы? – послышался голос помощника режиссера.

– Даша, белое платье, – командовала молодая женщина и, просовывая голову в отверстие воздушной юбки, спросила: – Ну, как принимали после первого акта?

– Принимали хорошо. Сама слышала.

– Черти! – обрадовались, что глазами ворочает. Не жалуют лапищ.

– Это ты верно говоришь. Глаза у нее мистические. Только, не скажи, и играет, она хорошо.

– Та-лант-ли-вая? – странно блестя загоревшимися глазами, протянула Кис-Кис.

– Талантливая! – без запинки ответил Горский, стойко выдерживая ее взгляд.

– Лучше меня?

– Я уже сказал: каждая в своем роде.

– Ну, Максимка, берегись! – И она с силой рванула воздушную оборку платья.

– Начинаем! – раздалось со сцены вслед за дребезжащим звонком.

– Ладно, подождешь! – сердито проворчала Кис-Кис, стискивая бока своими миниатюрными ручками, чтобы дать возможность вспотевшей и измученной Даше зашнуровать узко-налаженный лиф.

Горский, сидя верхом на стуле, курил и смотрел на нее.

Кис-Кис ему очень нравилась. В ней было что-то донель-

зя раздражающее и задорное, что не могло наскучить ему, несмотря на долгие месяцы их связи. И потом, она была красива, способна и ловка. Эти три вещи были, по его мнению, необходимыми для актрисы. Злость Киски ему не особенно досаждала. И влюблена-же она была в него, как кошка! Это обстоятельство, правда, было немного обременительно, но ловкость и умение устраиваться искупали все. К тому же его не тянуло к прочим женщинам. Провинциальные дамы были мало интересны и щепетильны, а актрисы – свой брат. К тому же Киска считалась самой «шикарной» между ними и выцарапала бы ему глаза за измену.

До сегодняшнего дня, впрочем, он не ощущал особенного неудобства от связи с Киской... Но сегодня...

Когда он увидел эту новую дебютантку, с ее черными звездами, вместо глаз, и бархатно-страстным голосом, врывающимся в самую душу, он невольно сравнивал ее с Киской и не в пользу последней.

На репетициях новая актриса «не играла». Многие из труппы, вслушиваясь в ее монотонную читку и глядя на бледное и не очень красивое лицо, решили на скорую руку, что она «бездарность».

Но когда она появилась в первом акте пресловутой Зандой, заигранной всеми провинциальными героинями, эффектная в красном облаке тюля, с чисто цыганскими глазами, Горский понял, что она и красавица и талант на диво.

Понял это и режиссер, и антрепренер Илья Исаевич Пет-

ров, купец-рыбник, баловавшийся «своим дельцем шутки ради». Поняла и провинциальная публика, проводившая новую актрису дружными аплодисментами.

II

Декорации для второго акта были уже поставлены. Придерживая обеими руками трен белого платья, изящнее и миниатюрнее, чем когда-либо, Кис-Кис пробиралась на место.

– Дочурка! – задел ее первый комик, игравший по пьесе ее отца.

– Отвяжись, – отрезала она, проходя дальше.

– За что, мамочка, видит Бог – невинен.

От комика несло водкой и он едва ворочал языком.

Дебютантка, высокая, немного полная девушка, прекрасна нагримированная, с темными, немного мрачными глазами, была еще очень молода, несмотря на некоторую громоздкость фигуры.

Она заметно волновалась.

Горский говорил ей что-то, стоя рядом у кулисы.

Кис-Кис похолодела. «Начинается!» – мелькнула в ее головке, но овладев собой, она подошла к дебютантке и спросила ее с любезной улыбкой:

– Что, боитесь?

– Ужасно! – чистосердечно созналась она, доверчиво и ясно улыбнувшись подошедшей.

– Елена Александровна, приготовьтесь, – шепнул ей помощник.

Кис-Кис обдернула привычным жестом юбку, тронула

прическу, перекрестилась и ступила на сцену.

Публика любила Танину за хорошенькое личико, за подкупающую веселость, за милое щебетанье веселых и трогательно грустных ролей.

До Ратмировой, «героиней» была одна, не пользовавшаяся успехом, актриса. Это еще больше укрепило престиж Киски.

Теперь же Танина боялась новой соперницы и «старалась» играть.

Роль Пии – глупенькой и наивной щебетуньи – была не из ярких. Но Кис-Кис так мило стреляла в абонементные ложи и первые ряды, что публика ласково отнеслась к своей любимице.

Кис-Кис ликовала.

– Ну, что? – наскочила она за кулисами на антрепренера-рыбника.

– Сахарная! – пробасил тот, – одно слово сахарная, – и вкусно чмокнул ее розовые ладони.

Третий акт она не была занята, а сидя за кулисами на бу-тафорском столике, прислушивалась к игре Ратмировой.

– А ведь божественная-то струсила, – подмигнул на нее первый комик второму.

– Что и говорить! Заклюет!

– Ну, нет! Ее песенка спета. Да и Максимка так и охаживается вокруг новой.

– А потому что дурак. С этой взятки гладки, а ведь Танина

то ему ангажемент в Казани обещала. И достанет, как Бог свят! Счастливец этот Максимка, право! Житье!.. Ешь – не хочу!

– Подавится! Хлебнем-ка, мамочка.

– Нет, будет. И так в первом действии Ваньки не слышно было. Шипит себе под ном, дьявол, хоть ты тресни... На одних «кренделях» выехал.

– На Занду загляделся.

– И очень просто. Заглядишься, брат... Глазищи-то! Бодаются.

Занавес с шумом опустили.

Ратмирова захватила публику и ходила на аплодисменты, бледная от волнения под тонким слоем румян и как бы сконфуженная неожиданным успехом.

– Обласкали, барышня. Спасибо, чудесно, обласкали... Душевно благодарен, – кинулся к ней «сам» и поцеловал ее руку совсем иначе, нежели у Киски за несколько минут до этого.

А Кис-Кис все видела со своего места и сердце ее грызла самая едкая зависть к успеху Ратмировой.

III

Ольга Павловна вернулась домой довольная и счастливая. Успех превзошел ее скромные ожидания. Ее раз пять вызвали после четвертого акта, где Занда умирает на суде от руки фанатика Драгома, желая оградить от пули своего молодого защитника Уонеля. Провинциальная публика чутка и отзывчива на мелодрамы, а «Свадьба в Валени» одна из тех пьес, где больше эффектов, нежели слов. И Ратмирова играла к тому же с большим подъемом и темпераментом.

После спектакля местные меценаты угощали ее ужином. На подъезде собралась кучка молодежи, встретившая ее выход из театра дружными аплодисментами. За ужином пили ее здоровье. Этот ужин смущал немного Ольгу, но при нем присутствовали все главачи их труппы, не исключая и Кис-Кис.

Несмотря на всю свою молодость, Ольга Павловна не могла не понять, что мягкие, нежные лапки Кис-Кис вооружены острыми ноготками, которые при первом же удобном случае вопьются в нее.

Но она не долго задумывалась над этим. За ужином было шумно, весело, но вполне прилично. Очевидно, актеры и их покровители стеснялись немного ее, или председателя управы, почтившего их своим присутствием, – она не разобрала. Председатель ухаживал за Кис-Кис, за ней – Горский. Гор-

ский – прекрасный актер, – она это сразу заметила, несмотря на некоторую чисто провинциальную певучесть и приподнятость тона. У них, в школе, за эту певучесть «съели-бы» в один год. Здесь другой жанр игры был бы неудовлетворителен. Он мастерски выделил тусклую роль Уонеля и смело набросал в двух-трех местах яркие блики, от которых он получил совсем другую окраску. Ратмирова, слушая похвалы Горского насчет ее таланта, его три-четыре удачные поправки, не могла не обрадоваться, что этот талантливый и умный актер «признал» ее. К тому же он был очень красив, пожалуй лучше, нежели без грима, и странно походил на ее жениха – Колю, оставленного в Петербурге. Только у Коли были добрые и печальные, а у этого слишком говорящие актерские глаза.

Она знала, что Горский и Танина любят друг друга – из связь была всем известна, – и потому не боялась, что ухаживание Горского скомпрометирует ее. К тому же – она невеста и любит Колю...

Прошлой Весной только они кончили оба драматические курсы. Коля был ее товарищем по школе. Их обоих, как наиболее талантливых, приняли на казенную сцену. Но она пожелала попробовать счастья в провинции. Николай же не мог оставить больной старухи-матери и удовольствовался тем, что ему давали играть в образцовом театре.

В N-ск Ратмирова приехала робкой и смущенной дебютанткой. В школе о провинции говорили, как о болотной

яме, засасывающей таланты. О труппе она боялась и думать, рассчитывая встретить в ней сальной ухаживание мужчин и явную вражду женщин. Ничуть не бывало. Женщины, не исключая и премьерши Таниной, встретили ее сдержанно и любезно; мужчины по-товарищески. Она оказалась моложе и порядочнее, нежели они ожидали, и это накладывало известную узду в обращении.

Благодаря сегодняшнему успеху, она сразу заняла надлежащее положение в труппе...

И довольная собой и всеми, она распустила свою густую, темную косу, накинула широкую фланелевую блузу и села писать в Петербург – Коле.

IV

– Если это будет продолжаться, я приму меры...

– Киска, опомнись, что ты?

– Не подходи ко мне... Трус... Влюблен в одну и скрывает это от другой... Ошибаетесь, мой милый, все вижу... и вашу недотрогу эту и как она Ильюшкой винтит...

– Неправда! Она честная девушка.

– Ага, прорвался! Ревность – не свой брат! Она то честная? В школе еще любовника завела.

– Молчи, не говори, чего не знаешь.

– Батюшки, влюблен! Максим, ты влюблен?

– Отвяжись!

Кис-Кис заглянула в глаза Горского. Они были темны и непроницаемы, как всегда.

Что-то больно кольнуло сердце молодой женщины. Ей показалось невозможным потерять этого красивого и талантливого человека.

– Макс, – зазвенел ее голосок новыми, мягкими нотками, – ты меня любишь?

– Тебе миндальничать еще не надоело, – холодно отстранил он ее...

Елена Александровна вздрогнула.

«Начало конца!» – мелькнуло в ее головке и сердце защемило больнее.

– Вы сыграете, надеюсь, в мой бенефис? – возможно холоднее спросила она.

– Какой вздор! Я обязан играть... Тем более роль Макса – роль чистого любовника.

– А если б не обязан? – прищурила она на него злыми огоньками загоревшиеся глаза.

– То все-таки сыграл бы... мы товарищи...

– А-а! – не то стоном, не то вздохом вырвалось из ее груди.

Товарищи! Только товарищи! И больше ничего... А их ласки... их связь... не скрываемаемая ни перед кем. Они оба молоды, талантливы... красивы... Их совместная игра – великолепный дуэт, гармоничный и свежий, как сама молодость. Публика любит их обоих... Они взаимно дополняют на сцене один другого... Их поцелуи звучат искренне, страдания сердечнее благодаря «настроению». Их связь, их любовь вдохновляет игру... Она твердо убеждена в этом... Все шло так хорошо, гладко... Она была верна... относительно верна, конечно, но все же верна... Дальше поцелуев она не шла с другими и то с самыми «нужными» разве... Даже Ильюшку она «отшила», рискуя многим... Правда, злые языки утверждали, что она живет под сурдинку с председателем управы, и с Томилиным – богатым купцом-кожевником... но все это вздор... И если она благосклоннее к ним, то только ради премий на бенефисные ложи, подношений и тщеславия. К тому же все это пустяки... От нее не убудет! И предавать всему этому значение может какая-нибудь дура

в роде Ратмировой.

Ратмирова... Что в ней хорошего нашел Макс?

Красоту? Талант? Молодость?

Вздор! Она некрасива... или только под гримом. Но ведь если намалевать старуху Гутькину – «комическую» их труппы – и та сойдет. Глаза у нее хороши, правда. Но до «черных звезд», как говорит Макс, далеко... Голос тоже ничего. Она, Кис-Кис, беспристрастна и воздает должное должному.

Но остальное ни к черту! Притом тихоня... Макс увлечен, но не надолго. Макс и до нее увлекался хорошенькой председательшей, но появилась она, – Киска, и председательша стушеввалась.

Теперь ей стоит только приласкать Макса и он забудет и думать о Ратмировой.

– Макс, – позвала она тихим вкрадчивым голосом.

Он не отзывался.

– Максинька, – повторила она громче.

Ответа не последовало.

Она обернулась. Горского у нее уже не было. Он ушел во время ее глубокой задумчивости.

Этого еще ни разу не случалось. Они ссорились и прежде, но ссоры оканчивались обыкновенно примирением в отдельном кабинете излюбленного актерами рестораника.

Они чувствовали необходимость друг в друге и избегали ссор.

Макс первым нарушил традицию.

Ей стало нестерпимо больно. В первый раз кажется не досадливые, а настоящие слезы затаенной женской обиды на вернулись на ее глаза.

Но на одну минуту только...

Злая и хорошенькая, как никогда, она подошла к окну и погрозила своим крошечным кулачком по направлению театра, находившегося против ее квартиры, по ту сторону площади. Там по ее расчету, шла репетиция и Горский «ломал» Отелло с ненавистной Ратмировой...

V

Ольга волновалась. Она должна была играть Лидию в «Блуждающих огнях» по просьбе бенефициантки.

Она не могла не понять, что это месть, и удачная месть, со стороны хорошенькой Кис-Кис. Как и все тонкие артистические натуры, Ольга сознавала свое дарование, но роль кокетливой, изящной и задорной львицы, какой нарисовал автор Лидию, ей не подходила.

Даже самый голос ее с прекрасными бархатными нотами и мелодичными переливами здесь не годился.

Тут требовался задор, блеск и наглость. Ничего подобного в Ольге не было.

И она вдвойне страдала и от оскорбленного самолюбия, предчувствуя провал, и от обидного насилия над эстетическим чутьем актрисы. Публики она боялась меньше всего остального. Публика полюбила ее со всей силой своей стихийной стадности. Она простила бы своей любимице дурное исполнение в счет прошлых и будущих заслуг, простила бы за те чудно выполненные роли, в которых развернулась перед ней Ольга своим молодым и бледнеющим недюжинным дарованием. Своей Дездемоной она «захлестнула» толпу...

А ее Луиза в «Коварстве и Любви»?

Луиза должна была Кис-Кис, но Кис-Кис уступила в виду бенефисных хлопот эту роль ей – Ольге...

Уступила и... раскаялась... Такого «треска» театр не запомнил. Киска долго дулась на Ратмирова и на «самого»... Но хорошенькое кольцо-маркиза, поданное ей через оркестр в ближайшее представление, сделало свое дело... Божественная смилостивилась и даже похвалила Ратмирову за милое исполнение Луизы, Ольга не придавала значения этой детски бессильной выходке.

Ее Луиза окрылила ее... Она ходила, как в дурмане, торжествующая и счастливая своим успехом. Даже в глазах появилась какая-то нежная влага, и они горели, как звезды...

В Луизе она поднялась до творчества, до экстаза, который захватывает и полонит актрису не меньше зрителей. Этот последний успех ударил ей в голову, заполнил ее всю, отравляя все ее существо сладким ядом. Сальные выходки двух комиков, чмоканье ладошек антрепренером-рыбником, шпильки Кис-Кис, все это отошло от нее далеко, далеко... Они для нее не существовали... Существовала только сцена и рампа, делившая ее от этой волнующей толпы, королевой которой она входила на подмостки...

Она жила ролями, иступленно работая по ночам, репетируя «во всю» по утрам, не жалея ни голоса, ни нервов, преследуя одну цель – всецело отдаться страстно любимому делу.

– Надорвешься, детка! – говорила ей Гутькина, успевшая полюбить Ольгу за любовь к труду и светлую головку.

– Ничего, Анна Мироновна, – улыбалась она ей своим

добрым, немного большим ртом, широко открывающим великолепные зубы, – ничего, вывезет!

И «вывозило», действительно...

В труппе не могли не признать ее таланта.

– Подрастет – нашумит, мамочка, – острил старший комик.

– Коли не зарвется, – добавил второй.

– А Максимка – то нажаривает. Страсть! Не отстают.

Горский действительно не отставал. Такого пылкого и восторженного юноши Фердинанда в N-ске еще не видели...

И красив же он был на диво в своем пудреном парике и белом щегольском мундире!

После последней картины, прошедшей сплошным захватывающе страстным дуэтом двух трогательно несчастных любовников, театр неистовствовал.

Ратмирова и Горский выходили кланяться в рампе, крепко держась за руки, чувствуя какую-то невидимую духовную связь, созданную им этой ревушей толпой.

Одурманенная успехом, Ольга видела тот же дурман, то же сознание торжества в глазах своего партнера и, не отдавая себе отчета, бессознательно, крепко, по-товарищески, пожала его руку.

Его глаза вспыхнули ярче.

– Спасибо, голубушка! – шепнул он ей и поцеловал за кулисами ее похолодевшие пальцы.

За что он благодарил ее, она не поняла. За это ли друже-

ское пожатие, или за игру, полную блеска и правды?

VI

На сцене шла суматоха. Помощник выбился из сил, бегая из одной уборной в другую. Резкий звонок звучал оглушительнее, чем когда-либо. Плотники в чистых рубашках, подвыпившие ради торжественности случая, бросались декорациями и ругались, как никогда.

В театре пахло бенефисом. Сам губернатор обещал почтить «театральную именинницу», вручая ей сотенную за ложу.

Уборная торжествующей Киски была битком набита. Здесь был и липкий, как сахар, белобрысый рецензент «Захолустья», и предводитель, и влюбленный Томилин, и наконец, сам Илья Исаевич, сиявший улыбкой и орденами.

Сама именинница в коротеньком платьице, уже готовая к 1-му действию, казалась прехорошенькой девочкой. Она и подделывалась под этот тон, играла глазками, наивничала и, в общем, была прелестна.

– Вы уж поддержите, господа! – по-детски складывая ручки, просила она.

– Ну, еще бы, божественная, мозоли нахлопаем.

– А подношения есть? – лукаво прищурилась Киска.

– Весь оркестр завален, чуть будку не сбили с места. Ванька и то жалуется, что ему лысину пробьют, – шутил «сам», довольный бенефисом.

– Ах, вы милый! – подпрыгнула она и сочно чмокнула его в самые губы.

– Раз! – засмеялся остановившийся на пороге Горский.

– Мамочка, нельзя. Отвернись, сахарный. Ведь случай-то такой! Ради случая можно.

– Да вы не беспокойтесь, Илья Исаевич, он не ревнует, – не совсем искренне засмеялась Танина.

– Ну-у?

– В примадонну врезался! Ей-Богу...

– Ну, это уж не годится – обижать Кисоньку, – нежно протянул председатель и шокированный и задетый в одно и то же время пикантной разнузданностью Кис-Кис.

– И не обидит, Вадим Павлович... Не заплачу: другие найдутся... «Новый поклонник его мне заменит, горе ему же, мне что ж за беда!» – лихо пропела Киска, играя разгоревшимися глазами.

– Bravo! Bravo! – вторили мужчины, окружившие эту маленькую, соблазнительную в своем задоре женщину.

Но Горский ничего не замечал, казалось...

Раздался 1-ый звонок. Он прошел в уборную Ратмировой...

– Ольга Павловна, можно?

– Входите.

Она сидела у зеркала, тоже готовая к выходу с ролью в руках.

Он окинул ее опытным взглядом и тотчас же понял, что

такая, как она, чистая и хорошая, для роли не годится.

– Что, не то? – угадав его мысль, спросила она тревожно.

– Не то, голубушка. Перцу в вас нет, – сознался он чисто-сердечно.

– Чего?

– Перцу!

Он засмеялась.

– Это как у Таниной?

– Как у Таниной.

– И непоправимо?

– Вы не рассердитесь, если я предложу вам выпить для храбрости и удали.

– Нет, не рассержусь. И вы думаете, это поможет?

– Попробуем.

Он крикнул проходившего бутафора, приказав ему принести в уборную бутылку шампанского.

Первый же бокал ударил ей в голову. Она не привыкла пить.

– Противно? – засмеялся он, видя, как забавно морщит она свой тонкий носик.

– Нет, ничего... Только вся роль из головы выскочила.

– Это только до выхода. На сцене заговорите. И что у вас за скверная привычка, барышня, зубрить роли в зубрежку? – сказал он и взял ее за руку.

– Что поделаешь, – школа! – как то виновато улыбнулась она и руки не отдернула против обыкновения.

Они помолчали.

В уборную заглянули две маленькие актрисы на «выходные» роли, хихикнули и скрылись.

И вдруг весь страх Ольги прошел и заменился каким-то необузданным весельем. В голове шумело. Горский – такой красивый с темной, замечательно шедшей к нему «наклейкой» и в светлом паре – ей ужасно нравился сегодня. И потом он так откровенно любовался ею.

Его горячий взгляд, обнимающий ее фигуру и смущал, и радовал ее.

– Какой вы интересный, – созналась она, краснея.

– Грим удачен, – постарался бросить он возможно равнодушнее, но голос его дрогнул.

– Как странно, – говорила она после второго бокала, заставившего ярко заискриться ее темные глаза: – вы Макс в жизни и Макс на сцене. Это ужасно удобно.

– Для кого удобно?

– Для партнерш. Для Елены Александровны... для меня...

– Для Елены, может быть... но не для вас... Что я вам...

И он сильнее сжал ее руку.

– Послушайте... – слабо сопротивлялась она, – я хочу еще, – и потянулась к бутылке.

– Нет, довольно... А то у вас кафешантанная звездочка вместо Лидии выйдет, – засмеялся он, удерживая ее руку и вдруг неожиданно притянул ее к себе и быстро впился в ее

полуоткрытый влажный рот.

Ратмирова не вскрикнула... не протестовала. Она так и замерла, невольно прижимаясь к нему и затуманенными глазами смотрела снизу вверх, в его нестерпимо заблестевшие зрачки.

– На сцену... на сцену! – где то очень близко от уборной раздался хриплый голос режиссера.

* * *

Это была не игра, не исполнение, а сплошное торжество женщины над нервами толпы. Горячие, вакхические взгляды, горячие улыбки, нега, разлитая в мерцающих глазах, влажные губы, на которых, казалось, еще чувствовались поцелуи Горского, захватили толпу... Бьющий через край задор и вызывающая смелость, проходившие через всю роль, сделали Ратмирову неузнаваемой.

Она была бесподобна. Она превзошла и Макса Горского, и изо всех сил старавшуюся Киску и оставила их далеко за собой.

Киске не повезло...

Правда, театр был набит сверху до низу по утроенным бенефисным ценам, после каждого акта через оркестр передавались бесчисленные ящики и корзины, усердная молодежь не жалела рук, встречая бенефициантку и голосом, в котором не осталось ничего человеческого, выла имя Таниной,

но Киска была слишком умная женщина, чтобы не понять, что пальма первенства осталась не за ней.

К тому же от нее не ускользнуло что-то неувлимо новое в отношениях Ратмировой и Макса. Она ходила заметно побледневшая под румянами с дрожащими губами и выжидала.

Впереди был 4–1 акт, решавший победу...

Вряд ли и более наблюдательная, чем N-ская публика могла заметить глухую борьбу двух актрис, двух соперниц, двух женщин.

Лелечка – Танина отвоевывала от Лидии – Ратмировой своего любовника.

Борьба из жизни перешагнула рампу, перешла на сцену и была здесь ключом, найдя в этих двух ролях прекрасное применение.

Обе горели, дрожали, волновались, обе бледные и ненавидящие, забыв весь мир, толпу и театр.

Они точно проснулись обе, когда занавес упал под оглушительный гул зрительной залы. Их вызывали одинаково горячо, дружно... Но Киска почувствовала победу Ольги, почти неувлимуую для других, но понятную для нее.

* * *

– Две медведицы в одной берлоге не уживутся, – твердила Кис-Кис ошалевшему от неожиданности Петрову. – Рвите мой контракт – я уезжаю.

– Но, мамочка...

– Что мамочка! Вы не видите, что она оскорбила меня, «съела» мой бенефис? Не могла стушеваться по-товарищески...

– Но чем-же она виновата, сахарная? Публика.

– Публика! Публика! – передразнила Танина. – Ваша публика – дура. Она хлопает или телу, или кислой добродетели! Ну, да ваша Ратмирова не долго процарствует – вспомните меня еще. Кто вам поднял сборы? – Я. Кто к вам губернатора Ии всю управу из оперетки перетащил? – Я. Кто обуздал Горского, когда он вознесся? – Все я, я, я, я! И вы можете променять меня на пришлую девчонку, у которой и талантишка не Бог знает какой – глазищи одни да голос!

– Мамочка! – взмолился Илья Исаевич.

– И вы думаете, что она не разгонит публику? Вы думаете, публике вашей талант ее понадобился? Чушь! Ужины ей нужны в кабинетах, актрисы шикарные. Вот что! А пригласите-ка Ратмирову поужинать. Да она отравится скорее. А я не брезгала... Для дела жертвовала собой... Сколько противных рож перецеловала. Брр! Вот и раскиньте-ка мозгами, ваше степенство, кто вам нужнее. С нее-то взятки гладки, с вашей недотроги-царевны... а я и теперь... – И глаза хорошенькой актрисы договорили остальное.

Судьба Ратмировой была решена.

VII

Ольга Павловна вернулась из театра со смутным ужасом на душе. Угар прошел с последним падением занавеса... Как-то горечь осталась на дне ее после этого успеха, сорванного благодаря шампанскому и до нельзя поднятым нервам. Ей было гадко и стыдно при одном воспоминании о поцелуях горского. Она теперь только ясно сознала, что школьные были правы, считая провинцию болотной ямой, засасывающей молодые силы.

Да и сил то здесь не требовалась... Искусственное возбуждение и ничем не прикрытый разврат. Острые взгляды, показывание голых плеч действовали одинаково, если не меньше, чем горячий драматический подъем, доходящий до экстаза.

Минутное увлечение Горским расплылось, как дым и Коля стоял перед ней, как живой с его печальными глазами.

– Нет, нет, вон отсюда! – восклицала она хватаясь за голову при малейшем воспоминании об этом фальшивом успехе сегодняшнего вечера, наложившем, как ей казалось, несмыслимое пятно на ее чистую любовь к искусству и правде. – Завтра же в Петербург к нему, дорогому, милому...

Она не для провинции... по крайней мере теперь, когда в ней все так хорошо, ясно и молодо. Подоспевшее письмо Ильи Исаевича подтвердило и ускорило ее решение. Она не могла не улыбнуться, читая эти вычурнотуманные строки,

где директор-рыбник извинялся в нарушении контракта по независящим от него обстоятельствам.

В тот же вечер она быстро собралась и уехала, напутствуемая добрыми пожеланиями Гутькиной – единственной из труппы, не побоявшейся проводить ее до вагона.

* * *

В отдельном кабинете излюбленного актерами рестораника, Горский и Кис-Кис вспрыскивали свое примирение.

В розовых ушах Кис-Кис горели, переливаясь, два крупных шатона. Шатоны были не из числа подношений и о происхождении их Кис-Кис молчала.

Теперь она была пьяна от счастья и «редерера».

– Видишь, как хорошо, мы опять «любимся», – тянула она немного размякшим голоском.

– Это ты правду сказала, – согласился ее партнер, принявший мрачный вид в таких случаях.

– Максинька, признайся, ведь ты было врезался, а-а?

– Ни.

– Немножечко... Ну, вот столечко, – и она отделила острым ноготком на розовом мизинце.

– Ни!

– Я не рассержусь... милый!

– Да я не боюсь, – обнял Горский Киску. – Ее нельзя любить, милая...

– Да почему же? – не унималась та.

– Почему? Да потому, что она – не ты... В ней по-нашему перцу нету...

И оба расхохотались...